

Если благодарные эмигранты из Азии считают, что обязаны своей жизнью Америке, то ребенок считает, что пожизненно обязан родителям за их страдания. <...> Готова признать, что все бремя истории лежит только на моих плечах.

Кэти Парк Хонг. «Невеликие чувства»

Ладно, Макфлай, порядок. Возьми себя в руки. Это сон. Просто очень похожий на правду.

Марти Макфлай (из к/ф «Назад в будущее»)

Посвящается маме, ясное дело

ПРОЛОГ

Телефон разряжен до семи процентов, а платье мне мало.

Я запретила себе одергивать красную ткань, прилипшую к попе, и паниковать из-за телефона. *Сосредоточься на главном.*

Обшарила глазами толпу.

Да, бал в честь начала учебного года проходил в спортзале, но оргкомитет умудрился превратить это помещение в нечто вполне романтическое. Повсюду развесили полоски фольги — по баскетбольным кольцам, по футболкам чемпионов в рамках, трибуны украсили серебряными шариками. Все остальное тонуло во мраке — из освещения были только прожекторы всех цветов радуги. На блестящем полу толпились танцоры — яблоку негде упасть.

Я отыскала взглядом Присциллу — дивное видение в льди-сто-голубом — за секунду до того, как в зале погас свет и раздались наигранно-испуганные вопли. Все разряженные гости нервно переминались с ноги на ногу — их радостное возбуждение граничило с подлинным страхом.

Во тьме мы пробыли недолго. На середину танцпола упал яркий луч прожектора — в нем стоял директор Баррет: к лицу приклеена улыбка, мохнатые брови наползают на оправу очков, костюм мешковатый и бесформенный.

Грянул *Insane in the Brain* группы *Cypress Hill*, свет запульсировал, директор Баррет странно задержался, поджав локти к груди и шаркая ногами в такт музыке.

Мама дорогая. Это ж он танцует.

Хохот в спортзале доброжелательностью не отличался. Что, сбрендившие директора существуют не только в плохих подростковых фильмах? Впрочем, не знаю, чему я тут удивилась. В последнюю неделю все вокруг напоминало плохое подростковое кино.

Музыка, к счастью, перешла в фоновую.

— Настал тот миг, которого вы все так ждали! — проревел директор Баррет.

— Вы сейчас застрелитесь! — взвизгнул кто-то из зала.

Хохот. Ну они и фрики.

Директор Баррет храбро все выдержал.

— Сейчас будут объявлены имена короля и королевы бала!

Зал отчетливо заволновался. Кто-то рядом со мной пискнул от неподдельного восторга.

Я посмотрела на Присциллу с этими ее локонами в стиле Ширли Темпл — черными, блестящими, безупречными. Они так и скользили по голым плечам — атласное платье было без лямок. Кожа, припорошенная блесками, посверкивала. Она была красива до боли — просто девушка мечты.

Присцилла перехватила мой взгляд, скорчила рожу:

— Сфотографируй — лучше запомнится.

Моя улыбка превратилась в злобную гримасу.

— У тебя прыщик из-под консилера видно.

Ладонь ее взлетела к подбородку. Микрофон хрюкнул, и мы обе стали слушать Баррета дальше.

Все зависело от одного этого мгновения. И тогда лихорадочная несусветица в стиле Дэвида Линча и длиной в неделю канет в прошлое. Уж надеюсь.

Очень хотелось вернуться домой.

Мы одновременно протянули друг другу руки.

Я стояла и ждала, назовут ли мою маму королевой бала.

глава 1

Мама моя очень любит рассказывать одну историю — про день моего рождения. В Лос-Анджелесе стояла рекордная засуха. Но, когда у мамы отошли воды («Вот Богом тебе клянусь, Саманта, ничего не выдумываю»), небеса разверзлись и хлынул ливень.

Десятилетняя засуха завершилась в тот самый день — ее смыло водяными потоками. А когда через одиннадцать часов я появилась на свет, в больнице отключили электричество, так что лицо мое мама впервые увидела в режущем глаза свете мобильного медсестры.

Когда я была маленькой, я очень из-за этого собой гордилась. Типа рождение мое стало чудом — таким, что даже природа придумала особую фишку и поприветствовала меня шикарным спектаклем. Легко было собой гордиться в детстве, когда весь мамин мир вращался вокруг меня, будто вокруг самого замечательного человека на свете.

А потом это изменилось — изменилось и мое восприятие истории собственного рождения. А что, если тем самым миро-

здание решило мне сообщить, что я с самого появления на свет буду главным геморроем всего человечества?

САМАНТА, ТЫ ГДЕ?

На экран мобильного упала дождевая капля, размыв маминo агрессивное послание. Я подняла глаза на потемневшее небо и как раз успела увидеть проблеск молнии.

— Блин, блин, блин. — Я засунула телефон в карман яркo-синего вязаного платья и бегом бросилась от машины к ступеням у входа в загородный клуб «Оаквуд». Капли посыпались настоящим ливнем, я за несколько секунд промокла до нитки. Когда я наконец-то добежала до навеса перед входом, носки уже хлюпали в «доксах». Ни фига эти кроссы на самом деле не водонепроницаемые. Платье же теперь годилось только для шоу фриков: из-за мокрых пятен ткань стретч стала напоминать картину художника-абстракциониста. Да уж, видок как раз для «клубного собеседования».

Вместо клубного собеседования я бы с огромной радостью:

1. Пожевала стекляшки.
2. Выкопала канаву.
3. Пободалась с белым по поводу «Все жизни имеют значение».

Дождь лил потоком, я отжала волосы. Телефон снова завибрировал.

НАДЕЮСЬ, ТЫ СКОРО.

Это я тоже проигнорировала. Я отвечаю на сообщения, набранные одними прописными буквами, только если они от моего лучшего друга Вэл или если, судя по гифке, там что-то очень срочное. Еще одна проблема в том, что мама никогда не ставит в сообщениях восклицательных знаков, даже если набирает все одними прописными, — и это тоже довольно гнусный приемчик. Делать вид, что тебе пофиг, — мамин любимый способ воздействовать на окружающих. Короче, нет, я не собиралась все бросать и писать ответ. К тому же на самом-то деле я на собеседование не опаздывала. Просто у мамы очередной психоз.

В это время на парковке едва не столкнулись два люксовых внедорожника. Один водитель в отчаянии вскинул руки — все окна у него запотели. Машина рывком обогнала другую, из-под колес вылетел целый водяной вал, обдал какую-то женщину, бежавшую к своему автомобилю. Та с совершенно ошалелым видом побрела дальше.

Какие страсти. Я инстинктивно вытащила телефон и стала записывать голосовое сообщение.

Привет, хальмони!

Замечала, что, когда в Лос-Анджелесе идет дождь, реальность меняется?

Типа солнечно-пастельные здания вдруг начинают казаться грязными — на уродской штукатурке стен

проступают пятна. Из щелей на разделительной полосе вдруг вылезают цветы, которых там сто лет не было. Все разом забывают, как надо водить машину. Какое вождение? У меня вода на капоте!

Мальчишка с аккуратно подстриженными темными волосами толкнул двери клуба и вылетел наружу, звонко рассмеялся, увидев дождь: в здешних краях осенью это большая редкость. Родители тянули его назад, но он выскочил навстречу струям, в восторге выставив перед собой ладони.

И в этом даже есть что-то волшебное, правда? У нас здесь, если подумать, нет погоды. Так что, когда нам напоминают, что стихии нам неподвластны, возникает какое-то потустороннее ощущение.

Тут, будто в подтверждение моих слов, небо опять разрежала молния. Я вытянулась в струнку и стала ждать грома. Когда он зарокотал, почувствовала его всем телом — от раската у меня задрезжали кости.

Когда я вообще завела эту привычку? Пару лет назад: стала записывать всякую ерунду для бабули, которой страшно нравилось слушать эти сообщения, — получался такой ее личный подкаст.

Когда здесь идет дождь, начинаешь верить, что существует что-то большее, чем ты сам. Что-то божественное — и оно

способно изменить твою жизнь ровно за то время, пока в небе блеснит молния.

Я остановила запись и распахнула входную дверь — медные ручки покрыты изящной патиной. Может, на меня и снизошло какое откровение, но оно тут же испарилось, когда я оказалась в вестибюле загородного клуба «Оаквуд» и зашагала по мягким темно-зеленым коврам мимо великанской композиции из душистых лилий.

Каждый мой шаг навстречу родителям сопровождался хлопанием.

Хлюп-хлюп. Хлюп.

— Привет.

Родители обернулись на звук моего голоса. Мама заметила, что я мокрая как мышь, — смерила меня взглядом с ног до головы.

— Господи боже.

Я попыталась улыбнуться:

— Видишь, я не опоздала.

Папа явно был озадачен.

— Да как же ты... — Он махнул рукой куда-то в направлении моего испорченного наряда. Полагаю, у родителей было свое представление о том, как я должна выглядеть на собеседовании.

Мама как раз-таки выглядела на все сто: тренч от «Берберри», туго затянутый поясом, из-под него выглядывает юбка цвета пыльной розы. Длинные темные волосы, мелирование

и безупречная укладка. Ни одна капля дождя не посмеет упасть с нею рядом.

— Ты же знала, что у тебя сегодня собеседование! О чем ты думала?

У меня аж челюсть упала.

— Чего? Я что, могла предвидеть, что польет, как только я припаркуюсь?

— Саманта, прекрати, на это существует прогноз погоды. — Мама у меня этакая бизнесвумен из фильма Норы Эфрон — язвительная. За словом в карман не лезет и может убить своим сарказмом.

Я махнула рукой:

— Да кто его смотрит в Лос-Анджелесе? Тут две погоды: свитер нужен или нет.

Мама ущипнула себя за переносицу:

— Где ты была после уроков?

— Помогала Карену снимать фильм для Нью-Йоркского университета.

Родители переглянулись. Мельком, но я заметила. Не то чтобы они моего бойфренда терпеть не могли, но и любили не слишком.

— Вечно ты этому парню помогаешь с его заданиями, — обронила мама, сжав губы в ниточку. — А свои заявления в университеты уже разослала?

То, что эту тему подняли не где-нибудь, а прямо здесь, меня реально выбесило.

— Мам, да все у меня в порядке.

— И что подразумевается под «в порядке»? Такие вещи нужно делать своевременно, чтобы потом не устраивать нервотрепку.

— Мам, не будет никакой нервотрепки. — Я провела пальцами под глазами в надежде стереть подтеки туши.

— Это верно: нервы у тебя железные.

Я коротко хохотнула, мама покачала головой:

— Буду умирать, загадаю одно желание: чтобы ты научилась правильно расставлять приоритеты, например что вступить в клуб важнее, чем помочь бойфренду.

Слово «важнее» запрыгало у меня в голове, ударяясь о стенки черепа, а мимо как раз прошла пожилая пара в одинаковых пастельных ветровках. Я обвела взглядом бледно-розовые обои, занавески с цветочным принтом.

А потом, не выдержав, выдала:

— Я просто... почему это так важно? Я вообще не понимаю, зачем вы меня сюда притащили.

Папа вдруг рванулся в сторону — его внезапно заинтересовала какая-то акварель с изображением французского кафе.

Мама шагнула ближе, заправила мне за ухо прядку мокрых волос.

— А затем. Они хотят познакомиться со всей нашей семьей. И если нас примут, может, в будущем и ты попадешь в число членов клуба.

Мне иногда кажется, что я — участница телешоу, которое снимают скрытой камерой. Например, когда мама начинает

вести себя так, будто членство в загородном клубе — это ценное наследство, которое потом можно торжественно передать дочери.

— Чего? — спросила я, и слово это прозвучало глупо даже в моих собственных ушах. — Это... что-то такое... чего я еще и хотеть должна?

Мама не успела ответить — подошел какой-то белый парень с бронзовым загаром и вялым подбородком.

— Добрый день, это вы Канги? — спросил он, глядя на свой клипборд.

Мамино лицо из сердитого тут же стало сияющим. Лоб разгладился, глаза раскрылись пошире, улыбка сделалась ослепительной.

— Да-да! Я миссис Канг. Но, пожалуйста, зовите меня Присциллой.

Она протянула собеседнику руку, тот с готовностью ее пожал, слегка покраснев при этом. Когда мама включает режим «очарование», большинство мужиков начинают краснеть и потеть, точно похотливые извращенцы.

— Замечательно! А я Тейт Грин, руководитель отдела по приему новых членов. Можем для собеседования пройти в главный зал.

Он подвел нас к лимонно-желтым полосатым диванам у большого панорамного окна с видом на поле для гольфа. Мы сели на длинный диван, Тейт пододвинул кресло и устроился напротив.

Посмотрел на свой клипборд:

— Так, что у нас тут... Доктор Канг, вы работаете в клинике Вэлли-Вью?

Папа кивнул.

— Именно так. — Он сохранял полнейшую невозмутимость, правую пятку положил на левое колено. Темно-синий костюм, очки в черепаховой оправе — они с мамой выглядели этакой симпатичной богатенькой азиатской парочкой из рекламы автомобилей БМВ. Воплощенная американская мечта.

— Вы давно работаете там хирургом?

Пока шел разговор, я таращилась на Тейта. Типа это он серьезно — сколько нужно проработать нейрохирургом, чтобы тебя допустили на зеленый ковер в этих священных залах? Тейт, видимо, чувствовал мой взгляд, потому что посматривал на меня искоса и время от времени начинал ерзать.

Когда он в очередной раз глянул на свой клипборд — видимо, хотел спросить у мамы, сколько баллов она набрала, поступая на юридический, — я вмешалась в разговор:

— Тейт, я хочу спросить одну вещь про «Оаквуд».

Родители разом повернули ко мне головы, но мне было плевать, я подалась вперед — с ключицы на колени потекла струйка воды. Я не глядя ее смахнула.

— А когда в ваш клуб впервые приняли ЛИЦК?

Я не смотрела на маму, но почувствовала, что душа у нее вылетела из тела.

Тейт моргнул.

— А. Гм. ЛИЦК...

— Это значит «лицо с иным цветом кожи».

Он снова моргнул.

— А, ну да, это я знаю. Ну, так вот сразу не скажу...

Его запинки прервал мамин голос:

— Тейт, какие вы предлагаете летние программы для подростков? — И она не слишком деликатно, но твердо положила руку мне на колено.

Напряжение заметно разрядилось, когда Тейт, выпрямив спину, начал:

— У нас их несколько, на выбор. Лагеря по гольфу, теннису и плаванию, отдельный по художественному творчеству. Саманту что-то из этого интересует?

Я любезно улыбнулась:

— Я в этом году заканчиваю школу, Тейт. Так что меня вы, скорее всего, больше никогда не увидите.

Мама коротко, музыкально рассмеялась:

— Саманта — наш семейный юморист. Мы очень гордимся ее успехами в учебе.

Тейт еще раз посмотрел в свои записи.

— Она, как и ее брат Джулиан, будет поступать... ну, это... в Йель? — Он улыбнулся, без слов сообщая родителям: «Как же вам повезло». Они улыбались от уха до уха, но я-то видела, что довольно вымученно.

Медведь в лесу помрет, прежде чем я поступлю в Йель. Или в Калифорнийский университет. Или в какой-нибудь веселенький местный колледж, где гарантированы движуха и венерическое заболевание на первом же курсе.

Никуда я не поступлю — в отличие от брата Джулиана, который с детства был гением и вот теперь изучает что-то там страшно умное и такое специфическое, что про него даже писали в «Нью-Йорк таймс». Я же твердая хорошистка, и мне каждый год приходится торчать в летней школе, чтобы подправить средний балл.

Они еще некоторое время обсуждали крутость Джулиана, а я таранилась в окно — пришлось щуриться, потому что зелень травы просто слепила.

— Саманта.

Мамин голос оборвал мою травяную фугу.

— Тейт спрашивает, чем ты занимаешься в школе. — В голосе была молящая нотка типа: «Только, пожалуйста, без фокусов».

Чем занимаюсь. Мама же в курсе, что я не хожу ни в какие кружки и секции. Я бросила на нее многозначительный взгляд.

— Ну, сижу на уроках. Разговариваю с друзьями. Обедаю. Потом снова сижу на уроках.

Нервные смешки со всех сторон. Тейт что-то записал на своей бумажке, кивнул:

— Ха-ха. Очень смешно. То есть у вас нет никаких там особых хобби?

Я на все это согласилась лишь потому, что для мамы, похоже, оно важно, так не скандалить же теперь. Но они явно решили меня довести. А окончательно меня добило то, что, если бы мне не подсунили в собеседники тупого неудачника из фильма Джона Хьюза, я могла бы поговорить о том, что мне нравится. По-настоящему нравится. О кино, книгах, подкастах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru